

**ОБРАЗ ДЬЯВОЛА В ПОЛЬСКИХ ЛЕГЕНДАХ О ПАНЕ ТВАРДОВСКОМ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МИФОВ**

Иршин Георгий Юрьевич

Филиал Московского Государственного Университета имени
М.В. Ломоносова в городе Севастополе (г. Севастополь, Россия)

Аннотация

В статье рассматривается феномен появления образа дьявола в польской культуре на примере сказки о пане Твардовском. Проводится сравнительный анализ мифов с привлечением аналогий в других европейских культурах, выводятся основные черты образов на основе сопоставления и генерации происхождения. В конце делаются выводы о характерных польских особенностях понимания дьявола в этой легенде ввиду выявленных совпадений, о предполагаемом истоке легенд, о прототипе Твардовского и о некоторых других вопросах.

Ключевые слова: дьявол, Польша, пан Твардовский, Сатана, договор с дьяволом, поработитель, колдовство, прототип

**THE IMAGE OF THE DEVIL IN POLISH LEGENDS ABOUT PAN
TVARDOVSKI: A COMPARATIVE ANALYSIS OF MYTHS**

Irshin Georgy Yurievich

Branch of the Moscow State University in Sevastopol (Sevastopol, Russia)

Abstract

The article examines the phenomenon of the appearance of the image of the devil in Polish culture on the example of the fairy tale about Pan Tvardovsky. A comparative analysis of myths involving analogies in other European cultures is carried out, the main features of images are derived based on comparison and generation of origin. At the end, conclusions are drawn about the characteristic Polish features of understanding the devil in this legend in view of the revealed coincidences, about the supposed source of the legends, about the prototype of Tvardovsky and about some other issues.

Keywords: devil, Poland, Pan Twardowski, Satan, contract with the devil, enslaver, witchcraft, prototype

Введение

Как говорится в одной часто употребляемой идиоме – «Дьявол кроется в деталях». Если же отбросить большинство наслаивающихся случаев, в коих подобная поговорка имеет возможность присутствовать как объяснение скрупулёзности при выполняемой работе, или может скрытой сути предметов, стоит с точностью сказать, что появление образа дьявола в культурах многих народов без всяких сомнений явление весьма сложное, с наслаиванием образов мифологических созданий, богов прошлого и просто всевозможных суеверий. В действительности, стоит заверить, что «дьявол», как образ, существует у многих народов под разными именами. И вполне вероятно, что он мог складываться ещё до появления христианства, как образ некой тайны, наполненной страхом или непостижимым смыслом. Именно поэтому весьма интересен образ дьявола у конкретных народов, и, например, у поляков. С неимением

чёткой структуры славянской дохристианской религии, возможности в полном объёме воссоздать общеславянский пантеон, а также восстановить большинство утраченных мифологических сведений, которые несомненно перемежались с польским христианством, подобная задача может решаться только в процессе проведения сравнительного анализа с другими культурами. Здесь мы, однако, должны учитывать, что существующие обширные знания в славянской демонологии хоть и являются в полной мере достаточной основой, однако, также не исчерпывают вопрос, растянувшийся на несколько столетий, и существующий во многих эпохах, и в принципе сохранивший актуальность до наших дней.

Основная часть

Польская сказка о пане Твардовском или как её называют легенда о пане Твардовском – относится к XVI веку. Легенда включает в себя сюжет о том, как хитроумный пан Твардовский, пользуясь колдовством, призывает к себе черта и тот выполняет всяческие его прихоти. Пан обогащается, пользуется всевозможной властью за счёт того, что всячески изламывает работой замотавшегося черта. Но в последствии всё это для пана оборачивается плачевно. По скреплённому кровью договору черт должен был забрать его душу, если выполнит три желания шляхтича, и, если они встретятся в Риме. Черт заманивает пана в корчму, которая называется «Рим» и там забирает его душу. По одной из версий легенды пан должен сидеть на луне до прихода Страшного суда [Легенда о пане Твардовском]¹. Исходя из всего следует выделить несколько особенностей легенды, приковавшие взгляд исследователя:

1) В легенде чёрт предстает не в роли дьявола, то есть самого Сатаны, а в роли его слуги.

2) Важно отметить, что чёрта призывает сам Твардовский, а не он, как искуситель предлагает ему свою «помощь».

3) Особенно характерен для легенды замысел сюжета, который присутствует, можно сказать, в каждой версии – пан, пользуется силой чёрта безгранично, выжимает словно все соки, не думая платить за услуги. И за это по сути он проплачивается в конце. Сюжет обрамляется двумя точками, как началом и концом, – пан призывает черта, и пан теряет душу.

Прежде всего начнём с образа бога Чернобога, который встречается у полабских славян. Упоминания о нём встречаются у средневекового немецкого летописца Гельмольда в его «Славянской хронике»: *«Есть у славян удивительное заблуждение. А именно: во время пиров и возлияний они пускают круговую жертвенную чашу, произнося при этом, не скажу благословения, а скорее заклинания от имени богов, а именно, доброго бога и злого, считая, что все преуспения добрым, а все несчастья злым богом направляются. Поэтому злого бога они на своем языке называют дьяволом, или Чернобогом, то есть черным богом»* [Гельмольд: пар 52]. Есть смысл в том, чтобы предположить, что образ абсолютного зла, коим часто

¹ Образ Пана Твардовского чрезвычайно важен для Польши. Несмотря на то, что в России о пане Твардовском могли слышать лишь несколько десятков любителей польской культуры, ещё столько же литературоведов и совсем немногочисленное число учёных иного профиля, в Польше это своего рода национальный герой, образ исключительно любимый и распространённый. Ему посвящено несколько прозаических художественных произведений, баллада польского Байрона – поэта Адама Мицкевича «Пани Твардовска», один современный короткометражный фильм и дополнение к компьютерной игре «Ведьмак 3. Дикая Охота» под названием: «Каменные сердца», от компании CD Project Red, где буквально обыгрывается легенда вкупе с сюжетными героями книги А. Сапковского. – прим. авт.

считается дьявол, сложился у славян ещё в дохристианскую эпоху. Однако стоит сделать поправку на сведения у полабских славян, которые были язычниками тогда, когда в Польше было принято христианство. Хронику же можно отнести к XII веку. Таким образом однозначно сказать, что в языческой Польше встречается Чернобог, мы не можем. Тем не менее, поскольку процессы формирования божеств идут как правило на протяжении долгого времени, как было, например, с образом скандинавского бога Одина, который складывался на протяжении от появления древних германцев до эпохи викингов приблизительно [Хлевов 2002: 176–177], мы можем предположить, что если и не было в дохристианской Польше «злого бога», то явно были к этому предпосылки.

Также весьма интересно появление слова «дьявол» в славянских языках. Однозначно можно сказать, что оно исходит от латинского «diabolus», означающее дословно: «клеветник» [Мирошенкова 1993: 141]. Вероятней всего слово не всегда можно сопоставить с библейским Сатаной, как это делается иногда. Иначе можно сказать, что слово дьявол относится не только к форме абсолютного зла. Стоит отметить, что вопрос этимологии и сопоставлений слов, означающих абсолютное зло в авраамических религиях, требует дополнительных лингвистических изучений.

Вполне можно провести параллель третьей особенности с сюжетом древнескандинавской «Песни об Гротти» – о том, как конунг Фроди завладевает двумя великаншами Менью и Фенью и заставляет их молоть ему богатство и всяческие блага на мельницах, что зовутся Гротти. В конце великанши намолотили ему погибель [Старшая Эдда. Песнь о Гротти: 375–382]. Несмотря на то, что параллель можно считать относительно далёкой, она, однако передаёт ту же мысль – за всё следует платить. Нечто схожее можно отметить в «Песни о Вёлунде», которая представляет особый интерес, как по имени действующего лица Вёлунда, так и по сюжету о пленённом кузнеце, «властителе альвов» (эльфов), который забирает всё у своего поработителя [Старшая Эдда. Песнь о Вёлунде: 153–163]. Эта аналогия подводит к мысли о более древнем истоке легенды и данных песен, возможно заброшенном в индоевропейское прошлое. О Вёлунде и его сопоставлении с Велесом, Одином и Локи уже писали. Автор выводит некое сходство между родственными мифологиями, а точнее проводит сопоставление с целью выделить отдельные черты славянского Велеса [Кутарев 2017: 17–29]. Важной чертой Одина и Велеса, по мнению автора, является связь с загробным миром и колдовством, шаманской традицией индоевропейского прошлого. Колдовские элементы мы имеем и у эддического Вёлунда. По созвучию вполне возможно, что есть смысл предположить некоторый схожести и с самим Велесом. Это закольцовывает круг сравнительной-мифологии, которая по выражению знаменитого советского филолога М.И. Стеблина-Каменского: «...вероятно нет науки, которая требовала бы большей эрудиции, чем сравнительная мифология. Но в сущности нет науки более бесплодной» [Стеблин-Каменский 1978: 13–14]. В действительности потому, что мы можем найти сходство, но не путь и все связи возникновения мифа и последующих мифов.

Возвращаясь к образу самого пана Твардовского, стоит задаться вопросом был ли некий исторический прототип изучаемого нами героя. Есть несколько сведений, которые указывают нам на него. Собственно, некое упоминание Яна Твардовского в документе 1495 г. при дворе короля Сигизмунда Августа, которое часто всплывает в польской сети-интернет, но которое встретить мало возможно в русской. Там его называют Ян Твардовский. Также упоминается как он призывает дух сестры короля, это одна из нескольких легенд [Szczyrka: 50, 216, 326]. Кроме того, сохранилась

легенда, в которой колдун Твардовский, пользуясь магией, помогает старосте города Быдгощ, ныне город в Познаньском воеводстве, откинуть возраст и стать моложе ради его молодой жены. В этой же легенде упоминается некий чёрт по имени «Венглишек» (Węgliszek), а точнее чёртик (diabełek), который был в свите Твардовского [Legendy i przypowieści bydgoskie]. Круг снова замыкается и кроме нескольких разрозненных легенд упоминаний остаётся мало. Однако на этом изучение не останавливается.

Стоит задаться вопросом об онтологии самого вопроса: откуда мог появиться в позднесредневековой Польше маг-колдун заигрывающий прямо-таки с тёмными силами? Более того он не наказывается властями, а даже поощряется (как минимум они пользуются его услугами). На этот вопрос есть ответ. В XIV-XV веках в Польше и в общем-то в Восточной Европе наступают перемены в сознании, мир меняется и на сцену выходят многочисленные алхимики, колдуны. Вполне вероятно, что двигаться могли они из западной и центральной Европы, где жизнь была для них более отягощённой благодаря инквизиции, что хорошо иллюстрирует «Молот Введьм» [Шпренгер 2016]. По одной из версий, как раз пан Твардовский и является бежавшим из Германии чернокнижником. Где же искать истоки, подтверждения столь смелой гипотезе о целой плеяде различных колдунов в Польше в это время? Источники есть и даже достаточно многочисленные. Любому действию всегда есть противодействие, так и здесь. Именно в этот период в Польше появляются многочисленные проповеди («Sermones») против язычества, ереси и всего не богоугодного. Одни из самых известных таких текстов являются так называемые Свентокшинские проповеди [Winiarska-Górska]. Если где и искать следы колдуна-шляхтича, как в прочем и других, так только в них. Однако работа усложняется тем, что большинство «Sermones», как это видно и по названию, написаны на средневековой польской латыни и не переведены на современные языки, да и по правде, не все они в общем доступе. Тем не менее, остаётся надежда на то, что и этот вопрос со временем будет решён¹.

Другой вопрос поднимается, когда речь заходит о самом факте договора с дьяволом в той легенде, с которой мы начали. В этой связи почти сразу на ум могут прийти многие литературные произведения: шедевр Гёте «Фауст», где сюжет перекликается относительно сильно, тот же факт договора между Мефистофелем и доктором Фаустом [Гёте 1936]; более поздний от Твардовского сюжет из наследия уже классической русской литературы – повесть «Портрет» Н.В. Гоголя, где юный художник, желая жить сыто, неосознанно заключает договор с дьяволом, выраженном в картине, изображающей старого ростовщика, получает деньги и теряет свой талант. В этом сюжете показана вся агония заключившего, а во второй части выводится иной, противоположный пример другого художника, который провёл всю жизнь в служении своему делу и Богу и который, иронично и является автором того портрета [Гоголь 1990].

Тем не менее у всех этих сюжетов так же должен быть свой исток. И он всё-таки находится – это житие Феофила Аданского. Считается, что житие святого Феофила и есть первый случай письменного договора с дьяволом в, если угодно, церковной истории. Действие происходит в VI в. в Византийской империи: Феофил, отказавшись от поста епископа в городе Адана, занимает должность эконома, злые

¹ Выражаю глубокую признательность своему старшему коллеге религиоведу Кутареву Олегу Владиславичу за обзорное знакомство с кластером неизвестных мне ранее источников. – прим. авт.

языки клеветают на него, и он вскоре отстраняется от должности. В последствии к нему приходит еврейский волхв, который был ненавидим народом, и соблазняет его обратиться к своему Господину. Феофил соглашается, они встречаются ночью, в полночь или за полночь, у старого ипподрома и там Феофил встречает Сатану, Князя тьмы, в окружении приспешников. Тот предлагает ему свою помощь, но просит в ответ отречься от Иисуса и от святой Девы Марии. Феофил отрекается, подписывает договор, чем навеки отдаёт Ему свою душу, и Князь тьмы целует его в губы. После Феофилу возвращается его должность, но он мучается совестью и боится за свою душу. Далее он долго вымаливает прощения у Бога, и Дева Мария своим явлением избавляет его от уз и возвращает письменный договор. В конце Феофил умирает и уходит в мир иной, искупив свою вину.

Здесь мы видим не только полный исток легенды, который вполне может быть основанием и почвой для возникновения в народе похожего образа, но и четкие последовательные действия: человек заключает договор с Сатаной или, как в случае с Твардовским, с чёртом, получает то, что желал и попадает под обратный эффект. Правда Феофил в отличии от Твардовского пришёл к главной ступени в христианском существовании, то есть к раскаянию, за что был прощён. Пан Твардовский же теряет душу. Однако по одной из легенд, как выше говорилось, он, пока чёрт уносит его, начинает читать молитву, и падает на луну (в современной Польше по сей день шутят, что Твардовский первый поляк, который побывал на луне) [Повесть о покаянии Феофила]. Такой элемент со своеобразным раскаянием имеет смысл, находясь в нашем анализе. Отметим, что у легенды о пане Твардовском есть прочная основа в житиях христианских святых.

Подтверждая вышесказанное, стоит поговорить о ещё одном «курьёзном» случае. Похожий пример, однако, относительно поздний первому, встречается в другом житии – в Житии Льва Катанского. Здесь история противоположная первой. Лев был благочестивым епископом города Катан в Южной Сицилии. Его жизнь была преисполнена заботой о больных и нищих, однако, в последствии он встречает своего рода антагониста – волхва Илиодора, прежде бывшего христианином, родившийся в христианской семье, однако, отрёкшегося от Спасителя и присягнувший Дьяволу (здесь, вероятно, уже речь о Сатане), за что получил от него сил и, как говорится в житии, и помощь бесов, которым, как подмечается, он служит. В этом отношении второй сюжет значительно отличается деталями, а именно одной и при том весьма важной: Илиодор не принимает раскаяния из-за отречения, как бы его святой не отговаривал, поэтому святому Льву Катанскому пришлось насильно сжечь его на костре. Если же вдуматься в те дела, которые вытворял Илиодор до кульминации своего жизненного пути, приходишь в некое изумление от того, что примерно те же проступки, а лучше сказать «шалости» вытворяла свита Волонда в Москве в романе «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова: эпизод с внушениям горожанам, что на пустых местах текут реки, из-за чего они раздевались и нагие шли в направлении их, другой о превращении камней в золото, которые через короткое время становились в руках людей обратно камнями, или эпизод об исчезновении с казни в Константинополе, прямо во время отрубания головы, об оргии в центре города среди молодых людей и возможно некоторые другие. В житии также не говорится о деталях заключения договора¹. Стоит отметить, что в повествовании дух зла обозначается

¹ На эту мысль о сравнении с романом М. А. Булгакова меня наткнула моя старшая коллега, равно как преподаватель и один из наставников, кандидат исторических наук Лейбенсон Юлия Тарасовна.

через слово «дьявол», а не Сатана. Так же примечательно, что побудителем к отречению является очередной иудейский волхв. Сама формулировка, служит бесам, также достаточно замечается. Сложно сказать, что именно могли иметь авторы жития, однако здесь связь учитывается не сколько с Сатаной, сколько именно с бесами, то есть по утверждению церкви – падшими ангелами, если можно сопоставить, то именно с чертями. Другой вопрос: а какой именно связи идёт речь? И вопрос этот имеет диалектический характер: мы действительно не знаем кто и кому служит. Без всяческих сомнений заметно сходство с паном Твардовским и в другой особенности. Илиодор, как и Твардовский, пользуется своей силой почти безгранично. В то же время сам не прибегает к покаянию, что и роднит его с Твардовским в некотором отношении. Однако если в случае с Твардовским черт сам наказывает его, забирая из корчмы, то в случае с Илиодором это становится делом рук или, если так будет угодно, заслугой епископа [Житие святого отца нашего Льва, епископа Катанского]. В конце повествования о житиях стоит сказать, что влияние этих сюжетов на легенду может быть вполне вероятным. Однако однозначно говорить о том, что это и есть адаптированный для польской реальности сюжет (сюжеты) не удаётся. В этом случае мы не имеем чёткой параллели между ними, сходство лишь в отдельных деталях. Тем не менее, стоит уверенно сказать, что исток найден.

Заключение

Легенда о пане Твардовском представляется абсолютно разносторонним мифом, включающим в себя прежде всего исток из христианской, вполне возможно греческой, традиции, которая улавливается из самой сути повествования и взаимосвязанных действий. По третьей из выделенных особенностей она совпадает с историй об Илиодоре, в житии Льва Катанского. Твардовский так же теряет душу, как и Илиодор. Вполне вероятно, что в этом же случае и по первой выделенной нами особенности есть сходство. Упоминание чёрта и чертей в основной легенде и в Быдгощском предании частично совпадает с проделками Илиодора и бесов. Житие Феофила Аданского, как один из первых случаев договора с дьяволом, есть изначальный прототип сказания, хотя и не повторяющий его полностью. Весьма любопытно рассмотрение истоков легенды из индоевропейского прошлого, на что наводит совпадение третьей, кульминационной, особенности с эддической поэзией Севера. Вторая же особенность с ней частично перекликается в случае с «Песней о Гротти» и «Песней о Вёлунде», побудителем к действию является фигура поработителя. Прототип или реальный Твардовский фиксируется в польских источниках XVI века, однако более полной о нём информации найти пока что не удаётся. Каким он был, откуда появился и что с ним в конце жизни приключилось остается трактовкой легенд и предположений. Вполне возможно, что более глубокое изучение прототипа в последствии помогут прояснить эту деталь. В случае же с дьяволом, стоит заключить, что он представляется нам в легендах как проявление части силы, но не как сам Князь тьмы, что вполне подтверждают, как оставшиеся сведения о Твардовском, так и иные источники. Так сквозь призму легенд и сказаний Польши и других стран мы приходим к тому, что образ многополярен и не имеет единого воплощения, как всякая сливающаяся с христианскими идеями местная идея. Он – это попутчик культурной эволюции Польши сквозь века.

Она же предположила, что вполне вероятно М. А. Булгаков мог быть знаком с сюжетом и использовать его как основу плутовской части «Мастера и Маргариты» – прим. авт.

Литература

Булгаков М.А. Мастер и Маргарита: роман. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2006 (СПб.: Печатный двор им. А.М. Горького). 594 с.

Гельмольд Славянская хроника / пер. Л.В. Разумовской. Москва: АН СССР. 1963. [Электронный ресурс] URL: <https://www.vostlit.info/Texts/rus/Gelmold/framegel3.htm> (дата обращения: 6 июня 2023 г.).

Гёте И.В. Фауст / Иоганн Вольфганг Гете; Пер. Н.А. Холодковского; Под ред. М. Л. Лозинского; Предисл. и коммент. Ю.А. Спасского. Москва; Ленинград: Academia, 1936. т. 1; 26 см. (Немецкая литература. Иоганн Вольфганг Гете. 1749–1832. Избранные сочинения).

Гоголь Н.В. Петербургские повести; [Худож. Ю. Чарышников]. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990. 201 с.

Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. Житие святого отца нашего Льва, епископа Катанского / 12 книг. Москва: «Ковчег», 2010. Житие 173 [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/173 (дата обращения: 7 октября 2023 г.).

Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. Повесть о покаянии Феофила / 12 книг. Москва: «Ковчег», 2010. [Электронный ресурс] житие 534 URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/534 (дата обращения: 29 сентября 2023 г.).

Кутарев О.В. Сопоставления пантеонов: скандинавские Один и Локи – и славянский Велес: статья // Северный Ветер. 2017. №17. С. 17–29.

Легенда о пане Твардовском. Ларец сказок. Детская библиотека [Электронный ресурс]. URL: <https://polskie-skazki.larec-skazok.ru/legenda-o-pane-tvardovskom> (дата обращения: 6 июня 2023 года).

Мирошенкова В.И. Учебник латинского языка / Мирошенкова В.И., Федоров Н.А. Москва: Простор, 1993. 214 с.

Старшая Эдда: Песнь о Вёлунде / Пер. с древнеисл. А. Корсуна, ком. М. Стеблин-Каменский. Санкт-Петербург: Азбука, 2000.

Старшая Эдда: Песнь о Гротти / Пер. с древнеисл. А. Корсуна, ком. М. Стеблин-Каменский. Санкт-Петербург: Азбука, 2000.

Стеблин-Каменский М.И. Миф. Ленинград: Наука, 1978. 104 с.

Хлезов А.А. Предвестники викингов. Санкт-Петербург: Евразия, 2002. 336 с.

Шпренгер Я. Молот ведьм / Яков Шпренгер, Генрих Инститорис; [вступ. ст. С. Г. Лозинского; пер. с лат.: Н. Цветков]. Санкт-Петербург: Амфора, 2016. 523 с.

Izabela Winiarska-Górska: Kazania Świętokrzyskie okiem historyka języka. Polona/Blog, 202-.02-21. [dostęp 2021-01-20].

Legendy i przypowieści bydgoskie. W ROKU PAŃSKIM 1560 [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.is/9ImZk> (дата обращения: 29 сентября 2023 года).

Szczyпка Józef: Kalendarz polski. Warszawa: PAX, 1984. [Электронный ресурс]. (дата обращения: 29 сентября 2023 года).

References

Bulgakov M.A. The Master and Margarita: a novel. St. Petersburg: Azbuka-Klassika Publ., 2006 (St. Petersburg: A.M. Gorky Printing Yard Publ.). 594 p. (In Russian).

Helmold Slavic Chronicle / per. L.V. Razumovskaya. Moscow: USSR Academy of Sciences. 1963. [Electronic resource] URL: <https://www.vostlit.info/Texts/rus/Gelmold/framegel3.htm> (date of reference: 6 June 2023). (In Russian).

Goethe I.V. Faust / Johann Wolfgang Goethe; Per. N.A. Kholodkovsky; Edited by M.L. Lozinskii; Preface and commentary. Y.A. Spassky. Moscow; Leningrad: Academia Publ., 1936. vol. 1; 26 cm. (German Literature. Johann Wolfgang Goethe. 1749-1832. Selected Works). (In Russian).

Gogol N.V. Petersburg Stories; [Artist. Yu. Charyshnikov]. Sverdlovsk: Sred.-Ural. book publishing house Publ., 1990. 201 p. (In Russian).

Lives of the Saints in Russian, set forth according to the guidance of the Chetnikh-Minays of Saint Dimitrii of Rostov. The Life of our holy father Leo, Bishop of Catania / 12 books. Moscow: "Kovcheg" Publ., 2010. Vita 173 [Electronic resource] (https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/173) (date of reference: 7 October 2023). (In Russian).

Lives of the Saints in Russian, set forth according to the guidance of the Chetnikh-Minays of St Demetrius of Rostov. The Tale of the Repentance of Theophilus / 12 books. Moscow: "Kovcheg" Publ., 2010. [Electronic resource] hagiography 534 (https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/534) (date of reference: 29 September 2023). (In Russian).

Kutarev O.V. Comparisons of pantheons: Scandinavian Odin and Loki - and Slavic Veles: article // Severny Veter. 2017. №17. Pp. 17–29. (In Russian).

Legend of Pan Tvardovsky. Larets of fairy tales. Children's Library [Electronic resource] (<https://polskie-skazki.larec-skazok.ru/legenda-o-pane-tvardovskom>) (date of reference: 6 June 2023). (In Russian).

Miroshenkova V.I. Textbook of the Latin language / Miroshenkova V.I., Fedorov N.A. Moscow: Prostor Publ., 1993. 214 p. (In Russian).

The Elder Edda: The Song about Völund / Per. from Old Icelandic A. Korsun, com. M. Steblin-Kamensky. St. Petersburg: Azbuka Publ., 2000. (In Russian).

The Elder Edda: The Song of Grotti / Per. from Old Icelandic A. Korsun, comp. by M. Steblin-Kamensky. St. Petersburg: Abbuka Publ., 2000. M. Steblin-Kamensky. St. Petersburg: Azbuka Publ., 2000. (In Russian).

Steblyn-Kamensky M.I. Myth. Leningrad: Nauka Publ., 1978. 104 p. (In Russian).

Khlevov A.A. Precursors of the Vikings. St. Petersburg: Eurasia Publ., 2002. 336 p. (In Russian).

Sprenger Jacob Witches' Hammer. Jacob Sprenger, Heinrich Institoris; [intro. by S. G. Lozinskii; translated from the Latin: N. Tsvetkov]. St. Petersburg: Amphora, 2016. 523 p. (In Russian).

Izabela Winiarska-Górska: Kazania Świętokrzyskie okiem historka języka języka. Polona/Blog, 202-.02-21. [dostęp 2021-01-20]. (In Russian).

Legendy i przypowieści bydgoskie. W ROKU PAŃSKIM 1560 [Electronic resource] (<https://archive.is/9ImZk>) (accessed 29 September 2023). (In Russian).

Szczyпка Józef: Kalendarz polski. Warszawa: PAX, 1984. [Electronic resource] ISBN 83-211-0167-4. (date of circulation: 29 September 2023). (In Russian).

Сведения об авторе:

Иршин Георгий Юрьевич

Исследователь, Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, (г. Севастополь, Россия).

Email: irshintovgin@mail.ru

Bionotes:

Irshin Georgy Yurievich

Researcher, Branch of the Moscow State University in Sevastopol (Sevastopol, Russia).

Для цитирования:

Иршин Г.Ю. Образ дьявола в польских легендах о пане Твардовском: сравнительный анализ мифов // Мифологос. Серия: «Миф в культуре: литература, язык, поэтика, искусство, фольклор». № 3 (7), 2023. С. 50–58.

For citation:

Irshin G. Y. The image of the devil in polish legends about pan Tvardovski: a comparative analysis of myths // Mythologos. Series: "Myth in Culture: Literature, Language, Poetics, Art, Folklore". № 3 (7), 2023. Pp. 50–58.